

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**КАФЕДРА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА –
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2013–2014**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2014**

Теория и история социологии

Коллектив авторов
**Социологический
ежегодник 2013-2014**

«Агентство научных изданий»

2013

ББК 60.5

Коллектив авторов

Социологический ежегодник 2013-2014 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2013 — (Теория и история
социологии)

ISBN 978-5-248-00734-9

В статьях, обзорах и рефератах рассматриваются проблемы социальной теории, эмпирических социологических исследований- истории социологии. Обсуждаются актуальные тенденции и перспективы развития социологии как научной дисциплины в России и зарубежных странах. Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

ББК 60.5

ISBN 978-5-248-00734-9

© Коллектив авторов, 2013
© Агентство научных изданий, 2013

Содержание

Пространство социологии и диагноз текущей современности	5
I. Социология и глобальные процессы	7
Статьи	7
Парадоксальная глобализация: Вперед к прошлому или назад к будущему?	7
Изменение климата и социологическая наука	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Социологический ежегодник 2013–2014

Пространство социологии и диагноз текущей современности *Предисловие*

Н.Е. Покровский

Социология – живой организм. Она рождается как симбиоз различных наук и общественных интересов, развивается, занимает, а подчас и завоевывает свое законное пространство в обществе. Будучи живым организмом (пусть и в метафорическом смысле), социология болеет, испытывает кризисы, притом жесточайшие, но при этом в итоге выздоравливает и обретает новые видоизмененные формы.

Каков сегодняшний диагноз социологии образца 2014 г. в стране и мире?

В «мировом масштабе» социология испытывает немалые трудности. Под воздействием дальнейшей корпоративизации университетов в Европе и Северной Америке, превращения университетов в субъекты преимущественно экономической политики и менеджериального регулирования социология вынужденно сдает свои академические позиции. Во многих случаях она теряет студентов и факультеты и, желая при этом сохраниться, мимикрирует под различного рода программы по международному бизнесу, маркетинг, «паблик рилейшнз», «джи ар» и прочие гибриды. Притом от социологии ожидают разработки почти исключительно «полезного знания» (*useful knowledge*, термин Роберта Линда, 1939)¹, т.е. прикладных и хорошо реализуемых на внешних рынках методик и интеллектуальных продуктов прямого действия.

На фоне ослабления академических позиций социологии в ее традиционных локализациях резко пошла вверх социология в странах Латинской Америки, Азии и Африки. Правда, этот новый вариант социологического дискурса преимущественно сконцентрирован на политической повестке дня: неокOLONиализм, социальная справедливость, инклюзия / эксклюзия, миграция и пр. В этой сетке координат, имеющей явно выраженный активистский и политический контекст, академические и фундаментальные темы в социологии уходят на дальний план либо вообще не разрабатываются. Одновременно делаются попытки провозгласить социологию чуть ли не социальным движением за установление справедливости в мире и сконцентрировать ее на программе борьбы «бедного Юга» против «гегемонии Севера». Благодаря усилиям исполкома Международной социологической ассоциации созыва 2010–2014 гг. установка на социологию политической ангажированности стала ведущей, и эта тенденция, во многом повторяющая контуры общемировых трендов, по всей видимости, сохранится надолго.

Российская социология далеко не в полной мере подключена к указанным выше процессам. У нее по-прежнему, как и многие десятилетия тому назад, во многом отдельная жизнь и своя повестка дня. Но и здесь мы наблюдаем довольно динамичную картину. Представляется, что пространство социологии в России не расширяется, а по многим признакам и сокращается. Заявляющие о себе в России процессы «ручного управления» социальными системами естественным образом вытесняют социологический анализ или, если сказать осторожнее, не способствуют росту престижа социологического знания. Сжимается поле социологии и в российских университетах; ее преподавание теперь уже не является обязательным, а лишь воз-

---

¹ Lynd R.S. Knowledge for what? The place of social science in American culture. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1939.

можным. Немалые трудности испытывает научная социология и в условиях тенденций идеологизации общественной жизни. Будучи по определению открытой, критичной и гуманистичной дисциплиной, социология не может встраиваться в системы универсальных истин, какими бы они ни были. Научность была и остается основой ее жизнедеятельности.

А кто сказал, что для социологии все и всегда должно быть легко? Жизнь науки, в науке и для науки – «это не мостовая Невского проспекта». Прежде говорили так. В новом варианте и с новым смыслом повторим это и сегодня.

Очередной выпуск «Социологического ежегодника» предлагает читателям самые разнообразные социологические компоненты современной картины мира. Задача нашего издания состоит в том, чтобы детализировать эту картину и сделать ее более рельефной.

І. Социология и глобальные процессы

Статьи

Парадоксальная глобализация: Вперед к прошлому или назад к будущему?

Н.Е. Покровский, У.Г. Николаева

Социология и другие социальные науки дают обществу систему ориентации в пространстве общественных отношений и историческом времени. По всей видимости, это их главная задача и *raison d'être* в этом мире. Каждая новая стадия социального развития отражается в теоретических концептах, с определенным временным лагом создающих автопортрет эпохи, своего рода интеллектуальный *selfie* «на память». Социальная теория, как правило, не всегда в состоянии предвосхитить ход событий большого масштаба. Нередко требуется значительная временная дистанция для того, чтобы новое социальное явление «проявилось», раскрыло себя в своих наиболее значимых параметрах.

Именно так произошло с глобализацией: самые смелые прогнозы футурологов середины 1970-х годов не могли охватить всей сложности развернувшихся глобальных социальных изменений рубежа тысячелетий. Более того, каждый новый виток событий менял угол зрения, предлагал новую перспективу для интерпретации потока технико-экономических и социокультурных трансформаций. Только сейчас, в середине второго десятилетия нового века, ученые осознали в полной мере противоречивость того, что изначально представало как неизбежный, безальтернативный восходящий вектор мирового экономического развития.

Теория глобализации в течение последних 30 лет почти безраздельно господствует в социологии и смежных социальных науках². Понятие «глобализация» прочно вошло в современный не только научный, но и обыденный язык. Сегодня по своей значимости и теоретической нагруженности это понятие-концепт давно уже заняло место в одном ряду с такими понятиями, как «цивилизация», «прогресс», «современность», «эпоха», «постсовременность», «модернизация». Однако при всей обманчивой доступности понятие «глобализация» нередко используется для обозначения совершенно различных, часто несхожих явлений, а его смысл оказывается в наши дни еще менее ясным, нежели в начале 1990-х годов.

Кажущаяся универсальность того или иного концепта, как это давно известно методологам науки, таит в себе известную проблематичность: чем шире распространяется в междисциплинарном поле новое понятие, тем сложнее вычленишь эссенциальные характеристики явления, им обозначаемого. Напрашиваются вопросы: а существует ли глобализация вообще, не есть ли она общее метафорическое имя для совершенно различных процессов? Или иначе: не «удваиваем ли мы сущности», не придумываем ли дубликаты для обозначения процессов и явлений, существовавших в мире с давних пор? Такие вопросы нередко задают себе как противники концепции глобализации, так и те, кто принимает ее как неизбежность.

Основу общепринятых представлений о глобализации составляют рассуждения об объединяющейся и интегрирующейся в единое целое человеческой цивилизации, преодолева-

---

² Современная литература по глобализации безбрежна. Между тем основные представления о глобализации и многочисленные теории представлены в пятитомной «Энциклопедии глобализации», изданной под редакцией Джорджа Ритцера [The Wiley-Blackwell encyclopedia... 2012].

ющей ранее существовавшие границы культур, государств, технологических форм. Мир в результате глобализации становится компактным, доступным, прозрачно-просматриваемым, а части его – тесно взаимосвязанными, причем это касается экономики, технологий, политики, экологии, нравственности и всех иных сфер жизни современного человечества. Высказывание «The world is so small!» («Мир такой маленький!») точно выражает саму суть подобных умонастроений. К концу 80-х годов XX в. развитие технологий достигло стадии, когда дальнейший рост ведущих мировых экономик мог осуществляться эффективно только вне рамок прежних национальных рынков. Это, в свою очередь, повлекло за собой перенастройку всех уровней – больших и малых – социальных систем и подсистем, что и произошло в конечном итоге и утвердилось под названием «глобализация»³. Начался отсчет новой исторической эпохи.

Между тем с научной точки зрения вопрос о смысле глобализации, ее характере и значении далеко не столь однозначен. По сути дела, существует много (или, по крайней мере, несколько) «глобализаций», скрывающихся за одним термином.

Анализ определений, предложенных обильной современной социолого-экономической литературой на эту тему, показывает, что главной трудностью для большинства авторов, пишущих на тему глобализации, оказывается трудность именно методологическая: реальная сложность феномена не поддается теоретическому осмыслению старыми средствами. Глобализация – и в самом деле качественно новый процесс, который, правда, имеет аналоги в истории⁴, но уникален и потому с трудом постижим в своей новизне. Глобализация всюду, где бы ни происходила, вызывает к жизни новые процессы, не вписывающиеся в традиционные объяснительные схемы, наделяет дополнительными смыслами, казалось бы, простые факты повседневности.

Бросающаяся в глаза яркость новых социокультурных проявлений глобализации оттеснила на второй и третий планы целый ряд явлений, которые глобализацией были инициированы, однако не вписывались в картину «постиндустриального» бесконфликтного общества, своеобразного «рая» эпохи «конца истории» (в терминах Френсиса Фукуямы⁵). Конец 80-х – начало 90-х годов XX в. были отмечены почти всеобщим оптимизмом в отношении будущего единого мирового сообщества, вставшего, как казалось тогда, на единственно возможный и магистральный путь экономического и социально-политического либерализма, снимавшего все дальнейшие противоречия мировой системы и таким образом в зародыше упразднявшего основные конфликты⁶.

Однако дальнейший ход глобализации продемонстрировал гораздо более сложную картину социальных изменений в мире и в отдельных сообществах. Широкий модернизационный, линейно-восходящий тренд оказался отнюдь не единственным, как казалось ранним теорети-

---

³ В литературе нет единого мнения о том, кто именно предложил термин «глобализация». Чаще всего ссылаются на экономиста Т. Левитта, который в 1983 г. в достаточно специальной экономической статье анализировал слияние мировых рынков как результат деятельности транснациональных корпораций и в связи с этим чисто метафорически упомянул «глобализацию». Т. Левитт не мог и предполагать, сколь значимым и долго живущим окажется его метафора [Levitt, 1983]. Нередко термин «глобализация» связывают с именем Маршалла Маклюэна, который еще в 60-е годы XX в. предложил понятие «глобальная деревня» и высказал мысль о том, что средства массовой коммуникации превращают мир в своего рода глобальную деревню, где все коммуницируют со всеми [McLuhan, 1962].

⁴ Немало историков и социологов видят в мировых империях прошлого, например в Персидской империи, империи Александра Македонского и др., аналоги современной глобализации. См., например, известную работу американского историка Пола Кеннеди: [Kennedy, 1987].

⁵ В статье американского политолога [Fukuyama, 1989–1990] была представлена теоретическая модель мира победившего капитализма и либерализма, которые, после распада советской системы и опираясь на глобализационные тренды, охватывают весь мир. Несмотря на изначальный утопизм и немалую умозрительность, концепция «конца истории» прекрасно выразила умонастроенность многих ведущих социальных теоретиков того времени, что вскоре и выразилось в необычайном росте популярности теории глобализации. Критику концепции «конца истории», в частности, см. в: [Малахов, 1994].

⁶ Проходивший в Билефельде (Германия) в 1994 г. под общим девизом «Оспариваемые границы и меняющиеся солидарности» XIII Всемирный социологический конгресс фактически превратился в своего рода съезд сторонников победившей теории глобализации.

кам «конца истории» и глобализации. Как выяснилось, беспрецедентные возможности роста материального производства в рамках глобальной рыночной экономики не привели к ожидаемым социальным эффектам. Как было подчеркнуто в докладе «Справедливая глобализация: Создание возможностей для всех» (2004) учрежденной МОТ Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации, «современные процессы глобализации ведут к весьма неоднородным результатам как внутри стран, так и между ними. Создается богатство, но при этом слишком многие страны и народы не могут воспользоваться его преимуществами... Многие из них находятся в тисках неформальной экономики и лишены каких-либо формальных прав или же проживают в беднейших странах, прозябающих и практически исключенных из глобальной экономики» [Справедливая глобализация... 2004, с. XI]. Не только прежняя экономическая периферия оказалась в проигрыше, но даже в экономически благополучных странах «некоторые работники и общины также испытывают на себе отрицательные последствия глобализации, и при этом осознание такого неравенства еще более усиливается благодаря революции в глобальных коммуникационных системах» [там же]. Не случайно в 2008 г. МОТ была принята Декларация о социальной справедливости в целях справедливой глобализации⁷, призывающая экономически развитые страны и международное сообщество обратить особое внимание на негативные социальные эффекты глобализации.

Действительно, как показали социологические и экономические исследования, реальное бытие современной глобальной экономики и современного общества несет на себе следы не только прогрессивного развития и триумфа технологий, но и реанимации прежних – *архаических* – социальных и экономических отношений, структур, тех социально-экономических моделей, которые существовали в докапиталистическую (и даже первобытную) эпоху, но которые не заявляли о себе в полную силу долгое время⁸.

В этом смысле новая система настройки мировой экономики и социальных систем подразумевает не только поступательное движение технологий, но весьма турбулентные последствия этого движения⁹. Происходит своего рода «перемешивание» уровней социальной структуры общества, динамичная «циркуляция» социальных страт и групп. Активный и наступательный модерн и постмодерн сочетаются с одновременным извлечением из багажа истории традиционалистских и даже архаических явлений, казалось бы, давно ушедших в область культурной археологии. Понятие глобализации используется не строго, и даже в работах, специально посвященных анализу явления глобализации, это центральное понятие зачастую применяется не аналитически, а метафорически, подчас сам термин «глобализация» тривиализируется, вульгаризируется и теряет строго ограниченные терминологические черты.

Характер и способ использования в современной научной литературе понятия «глобализация» может стать самостоятельным предметом исследования, причем такое исследование могло бы дать, как можно предположить *a priori*, большой материал не только для размышления, но и для выводов, затрагивающих как позитивное знание об обществе и механизмах его функционирования, так и методологию исследования общественных процессов. Однако в рамках данной статьи ограничимся характерными примерами того, как понятие глобализации используется в междисциплинарных контекстах, выделив при этом самые общие подходы и исследовательские стратегии. Основные из этих подходов сложились еще в 1990-е – начале 2000-х годов, т.е. в то время, когда мировые экономические процессы продемонстрировали новое качество, получившее новое обозначение, – время, когда и возникший термин «глобализация» обрел серьезный научный статус. Прошедшие десятилетия внесли, однако, в первона-

---

⁷ Декларация МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/fair_globalization.pdf

⁸ См. об этом: [Николаева, 2005 с, 2005 d].

⁹ Отрезвляющий анализ турбулентных глобализационных процессов дается в книге английского социолога Денниса Смита: [Smith, 2006].

чально оптимистические прогнозы развития формирующейся глобальной социально-экономической системы существенные коррективы: мировой экономической кризис, расцвет теневой и криминальной экономики в 1990-е годы в России и многих других странах, неоднозначность политических результатов так называемой «Арабской весны» и т.д. – все это поставило перед мировым сообществом и одновременно перед учеными-обществоведами множество новых вопросов, требующих «ревизии» прежних концептуальных схем осмысления социальной реальности.

Концептуальное разнообразие подходов к глобализации

Прежде всего, необходимо отметить объективные проявления общемировых тенденций, получивших отражение в концепциях глобализации.

Глобализация как линейный процесс. «Линейные» представления о глобализации подразумевают расширение, углубление, увеличение интенсивности мировых *интеграционных процессов* без радикального изменения их внутреннего содержания и качества. Согласно этому подходу, мир экстенсивно («линейно») наращивает современные его особенности и тем самым преодолевает противоречия, связанные с разобщенностью человечества. В этом смысле практически все глобальное априорно несет положительные черты – в экономике, политике, культуре, информатике / коммуникациях, защите окружающей среды.

Наиболее общий подход, на который опираются большинство социологов и экономистов, акцентирует внимание на экономико-технологической основе глобализации – появлении и развитии компьютерных информационных технологий, приведших к мощному развитию средств коммуникации. В отечественной социолого-экономической мысли такой подход был сформулирован сравнительно давно. В качестве примера приведем определение, которое дали экономисты О.В. Братимов, Ю.М. Горский, М.Г. Делягин и А.А. Коваленко в коллективной монографии «Практика глобализации: Игры и правила новой эпохи»: «Информационные технологии являются материальным воплощением и непосредственным двигателем процесса глобализации – разрушения административных барьеров между странами, планетарного объединения региональных финансовых рынков, приобретения финансовыми потоками, конкуренцией, информацией и технологиями всеобщего, мирового характера» [Практика глобализации... 2000, с. 133–134]. Продолжая эту мысль, авторы пишут, что «важнейшей чертой глобализации является формирование единого в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но финансово-информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся деятельность человечества как таковая» [там же]. Редактор коллективной монографии М.Г. Делягин в своей уже персональной монографии «Мировой кризис: Общая теория глобализации» [Делягин, 2003, с. 47–49] дает определение глобализации в том же ключе: «“Коммуникационный бум”, сблизивший человечество и превративший его... в единое целое, породил понятие “глобализации”» [там же, с. 47–48], глобализация же – «это процесс формирования и последующего развития единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий» [там же, с. 51]¹⁰.

В терминах развития информационных технологий и «постиндустриализма» определение глобализации дает В.А. Медведев в книге «Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее России» [Медведев, 2003]. По мнению В.А. Медведева, «глобализация является не чем иным, как проявлением современной постиндустриальной

---

¹⁰ Анализу противоречий и негативных эффектов глобализации для стран, существенно отстающих в своем экономическом развитии от лидеров мировой экономики, посвящены более поздние работы М.Г. Делягина: [Делягин, Шеянов, 2009] и др.

трансформации экономики и общества в отношениях между странами мира» [там же, с. 360], в которой важнейшими моментами являются информационные и коммуникационные технологии. Также принимает «информационную теорию» глобализации академик Н.А. Симония, связывая глобализацию с интернационализацией и подчеркивая, что современная глобализация – это «новый этап интернационализации, главная черта которой есть скачкообразное развитие информационных технологий» [Симония, 2001, с. 25].

Для многих авторов глобализация – синоним планетарной целостности современных экономических процессов. Так, Мануэль Кастельс предпочитает вместо термина «глобализация» использовать понятие «глобальная экономика», что, правда, не меняет сути дела: «В целом можно определить глобальную экономику как экономику, чьи основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать как общность (целостность) в реальном времени или в избранном времени в планетарном масштабе» [Кастельс, 2001, с. 64].

Одновременно с этим макросоциологическим уровнем глобализация характеризуется и микроуровнями. Они получили терминологическое оформление в концепте «*клеточная глобализация*» (Н.Е. Покровский)¹¹. Подразумевается, что в «клетках» общества (структурах повседневности, простых практиках, локальностях различного рода) также идут глобализационные процессы, в общем и целом конгруэнтные большим орбитам макроизменений. Притом эти микропроцессы демонстрируют большую внутреннюю сложность, насыщенность новым ценностным контентом. В них заключен большой потенциал социальных изменений всех уровней. Иными словами, глобализация изменяет общества и «сверху» и «снизу», и трудно сказать, какой из этих уровней доминирующий, более важный. Они взаимосвязаны, взаимообусловлены, рядоположены [Pokrovsky, 2001; Покровский, 2003, 2004, 2005 b].

При рассмотрении семантического кластера и ореола понятия «глобализация» отметим наличие нескольких синонимических рядов при использовании этого понятия. В целом ряде работ по современной экономике наряду с понятием «глобализация» используются понятия «интернационализация», «интеграция», «локализация», причем в одних случаях они употребляются как синонимы, в других – как противопоставляемые друг другу сущности. В частности, английский социолог Лесли Склэр, к идеям которого мы будем еще не раз обращаться в этом тексте, подчеркивает, что важно проводить четкое разграничение между *интернационализацией* и *глобальностью*, считая основой интернационального «существование даже изменяющейся системы наций-государств», в то время как основа глобального – появление процессов и систем социальных отношений, «не базирующихся на системе наций-государств» [Sklair, 1999, p. 142]. Социологи и экономисты Поль Херст и Грэм Томсон в концептуальном разделе, пытаясь определить явление глобализации, также противопоставляют «международную экономику» (international economy) – ту, в которой принципиальной целостностью являются национальные экономики, и «глобальную экономику» – «особый идеальный тип, отличающийся от международной экономики», который может развиваться по контрасту с ней. По мнению этих авторов, в такой глобальной системе «определенные национальные экономики включены и встроены в систему международного процесса»; в международной экономике, наоборот, «процессы определяются на уровне национальных экономик, все еще доминирующих, и международный феномен является результатом (outcome), который возникает от четкого и дифференцированного проявления национальных экономик» [Hirst, Thomson, 1996, p. 8–10]¹².

Приведем пример того, как еще на относительно ранней стадии определяли глобализацию и локализацию аналитики Всемирного банка в Докладе о мировом развитии на 1999/2000

---

¹¹ Близкое по смыслу понятие предложил Ульрих Бек – *globalization from within* («глобализация изнутри»).

¹² Третье издание этой книги вышло в 2009 г.; к коллективу соавторов присоединился Саймон Бромли [Hirst, Thomson, Bromley, 2009].

г. (Entering the 21st century): «Глобализация, которая отражает прогрессивную интеграцию мировой экономики, предполагает, что национальные правительства будут взаимодействовать с международными партнерами, чтобы наилучшим образом управлять изменениями, влияющими на торговлю, финансовые потоки и глобальную окружающую среду. Локализация же отражает растущее желание людей участвовать в делах правительства и проявляет себя в утверждении региональной самобытности. Локализация генерирует политический плюрализм и самоопределение в мире. Одним из ее проявлений является увеличение количества стран в мире, которое подпрыгнуло вверх после того, как только регионы добились своей независимости» [Entering the 21st century, 2000, p. 2, 8]. Авторы указанного Доклада помимо терминов «глобализация» и «локализация» используют также гибридный термин – «глокализация», который расшифровывают как взаимосвязанный процесс глобализации и локализации.

Политически заостренное понимание глобализации предлагает российско-канадский политолог О.А. Арин (псевдоним Р.Ш. Алиева). В книге «Мир без России» [Арин О.А. (Алиев Р.Ш.), 2002] автор выдвигает свою систему логических сопряжений понятий «глобализация», «интернационализация», «интеграция». По его мнению, «формирование мирового рынка со второй половины XIX века породило явление экономической интернационализации, которая, проходя определенные циклы и фазы... продолжает развиваться и в настоящее время. Как явление *экономическая интернационализация* является объективным процессом интенсивного взаимодействия субъектов и акторов мировой экономики в сфере торговли, капитала и финансов. По мере своего развития *интернационализация* породила два новых явления: сначала *региональную интеграцию* (со второй половины XX века), а затем – *глобализацию* (начиная с 90-х годов XX века)». Последние два новых явления, по мнению О.А. Арина, «отрицают интернационализацию (хотя и вызваны ею), и в то же время они антагонистичны по отношению друг к другу», при этом «разрешением данного противоречия может стать новое явление – *глобальная интеграция*, или, иначе говоря, единое мировое хозяйство, которое явится отрицанием и глобализации, и региональной интеграции» [там же, с. 293–294].

Стремясь применить марксистский диалектический метод, О.А. Арин поясняет, что «на предварительной стадии в пользу глобализации “работает” локализация, которая действует против интеграции», и что «все эти явления: интернационализация, интеграция, локализация и глобализация – некоторое историческое время будут сосуществовать одновременно во “взаимной борьбе” с разной степенью проявления. Причем глобализация вместе с локализацией – это всего лишь зародышевые формы новых явлений в мировой экономике. Ныне ее главными проявлениями выступают именно интернационализация и региональная интеграция» [Арин О.А. (Алиев Р.Ш.), 2002, с. 294]. Сущностные различия интернационализации и глобальной интеграции О.А. Арин видит в том, что «глобальная интеграция, или единое мировое хозяйство, предполагает и единое мировое правительство, в то время как при интернационализации, интеграции и глобализации национальные правительства сохраняют свою силу, хотя роль их в каждом из трех явлений неодинакова. Наибольшее значение они имеют при интеграционных процессах, наименьшее – при процессах глобализации» [там же, с. 345–346]. Как левый марксист, О.А. Арин определяет экономическую глобализацию как «процесс контроля и управления всех видов экономической деятельности в мировом масштабе в интересах стран Запада» [там же, с. 348]. Близких взглядов, как мы покажем ниже, придерживаются многие сторонники мир-системного подхода и теории зависимого развития.

Одним из важнейших проявлений глобализации стало мощное развитие *транснациональных корпораций (ТНК)*. Наиболее часто используемым примером, свидетельствующим о возникновении глобальной реальности, являются транснациональные корпорации, получившие даже наименование «stateless corporations» (т.е. корпораций вне государственных рамок). Подобные корпорации, по сути, утратили национальную идентичность и, охватывая целые континенты, стали явлением глобального масштаба. Считается, что ни одна крупная экономиче-

ская инициатива в современных условиях не может реализоваться исключительно в рамках одного национального государства и даже государства как такового.

Подобный абсолютистский взгляд на ТНК нередко приводит к постулированию неизбежности возникновения глобальных социоэкономических сил, фактически управляемых ТНК. В связи с этим отмечаются три тенденции: а) рост обобществления национальных экономик посредством «глобализации капитала и производства»; б) новое мировое разделение труда, приобретающее все более и более наднациональный характер; в) радикальная глобализация средств массовой информации и форм потребления.

Во многих случаях отдельные ТНК владеют капиталом, превышающим совокупный национальный продукт стран, к которым эти ТНК формально «приписаны». Это получило наименование «экономического гигантизма», сочетающегося с концепцией «глобальной экспансии» (global reach), когда ТНК извлекают основной объем прибыли из источников, находящихся за пределами страны приписки. Стремительное распространение инфокоммуникаций служит еще одним примером рассматриваемых тенденций. Телевизионные каналы вещания покрывают огромные заселенные территории. При этом само вещание сосредоточено в руках немногих компаний, также принадлежащих к числу ТНК.

Характеризуя значение ТНК в процессах интеграции и глобализации, О.А. Арин подчеркивает, что «основными экономическими акторами при интеграции являются национальные экономики и региональные ТНК, в то время как в экономических пространствах интернационализации значение ТНК выше, чем национальных компаний, а в глобализированных пространствах – на первое место выходят межнациональные компании, многонациональные предприятия и межнациональные банки (МНК, МНП, МНЕ)» [Арин О.А. (Алиев Р.Ш.), 2002, с. 294].

Можно сказать, что *в оценке результатов экономической глобализации* сталкиваются два полярных направления, две позиции, за которыми стоят различные теоретические школы экономистов. *Первая позиция* (ее многие называют либеральной) покоится на идеях так называемой Манчестерской школы, отцами-основателями которой считают Д. Рикардо, И. Бентама, Р. Кобдена. *Вторая позиция* связана с мир-системным подходом и теориями зависимости и периферийного капитализма (И. Валлерстайн, Р. Пребиш, Дж. Арриги, Л. Склэр, Р. Гиссингер, Н.П. Глэдич, У. Уагар и др.). Если либеральная школа утверждает, что усиление зависимости от глобальной экономики той или иной страны полуавтоматически ведет к экономическому росту, переходу к более высокому уровню благосостояния, стабилизации и развитию демократии, то сторонники теорий зависимости делают прямо противоположные выводы о том, что высокая степень экономической зависимости от внешних рынков усиливает неравенство, ведет к внутренним конфликтам¹³.

Неоднозначность последствий глобализации не только для стран «третьего мира», но и непосредственно для стран «первого мира» все сильнее привлекают внимание специалистов. Анализируя эффекты глобализации, многие исследователи, даже либерального толка, вынуждены признать тенденцию усиления деструктивных влияний в странах Центра и воссоздания анклавов «третьего мира» внутри самого капиталистического «ядра». Так, либерально настроенные исследователи начинают все определеннее говорить о вторжении стандартов «третьего мира» в жизнь самих американцев, подчеркивая, что не менее 6% жителей США находятся в условиях, схожих с условиями беднейших стран мира. Герд Юнне (Амстердам) еще в середине 1990-х годов, т.е. еще до всякого мирового экономического кризиса, говоря о том, что в США в ближайшем будущем 30% населения будет жить за чертой бедности и в состоянии неграмотности, считал необходимым передвинуть границу между Севером и Югом, перенести

---

¹³ См. подробное изложение точек зрения этих и близких к ним по взглядам авторов в работе: [Gissinger, Gleditsch, 1999].

границу между Мексикой и Латинской Америкой на территорию самих Соединенных Штатов [Junne, 1995, p. 17].

Глобальные риски. Явления экстенсивного роста глобальной экономики развиваются на фоне существования и даже обострения общемировых проблем, также приобретающих глобальный характер. К их числу относят, прежде всего: а) неконтролируемый рост населения; б) отсталость социально-экономического и культурного развития многих стран; в) проблемы образования (продолжающееся абсолютное увеличение численности неграмотных); г) неконтролируемый рост городов; д) отставание развития систем здравоохранения и выход из-под контроля ряда болезней, имеющих массовый характер; е) нерешенность продовольственной проблемы; ж) сокращение невозобновляемых природных ресурсов; з) сохранение военной угрозы; и) обострение постоянной угрозы мирового терроризма.

Все указанные проблемы уже давно переросли рамки отдельных стран и превратились в *общецивилизационные*. Притом процессы экстенсивного роста экономики, основанной на ТНК, самым непосредственным и часто причудливым образом переплетаются с перечисленными глобальными проблемами, в одних случаях способствуя их решению, а других – усугубляя их остроту.

Обсуждаемая модель «линейной глобализации» чаще всего используется в популярных средствах массовой информации и таким образом глубоко внедряется в массовое сознание, порождая своего рода мифы глобализации, идеологию глобализации и даже своеобразную мондиалистскую религию, основанную на культе планетарных начал современного мира и едином человечестве.

Альтернативы линейного подхода. Линейно-технооптимистический подход имеет ряд уязвимых мест. Можно ли предполагать, что при столь крупномасштабных изменениях, объективно происходящих в мире, сами общества останутся более или менее неизменными, а равно и устройство жизни этих обществ не претерпит столь же радикальных изменений, включая личностный уровень, уровень повседневности и другие подсистемы? Иными словами, глобализационные процессы, по всей видимости, должны вносить серьезные изменения во все социальные структуры и институты. Мировое сообщество входит (фактически полностью вошло) в принципиально новый мир, и в этом мире многое, если не все, обладает чертами явной или скрытой до времени новизны. Это не что иное, как комплексные изменения основных и частных параметров социальной системы.

В связи с этим и схожими доводами современная социальная теория предлагает ряд концепций, которые отвергают линейную схему рассмотрения мировой реальности, отходят от экономического редуционизма и упрощения, одновременно акцентируя внимание на достаточно *новых качественных характеристиках* этой реальности и ее социологической интерпретации. Имеется в виду четыре такие концептуальные модели, а именно: «миросистемная» модель, модель глобальной культуры, концепция глобального сообщества («глоболокализм») и модель глобальной системы.

«Миросистемная» модель И. Валлерстайна. Известный американский социолог И. Валлерстайн на протяжении последних как минимум 30 лет отстаивает теорию, которая по определению должна носить глобальный характер (хотя сам Валлерстайн уклоняется от использования этого термина). В первую очередь, имеется в виду экономическая мировая система (по И. Валлерстайну – «капиталистическая мир-экономика»). Американский социолог указывает на наличие в мировом разделении труда стран, принадлежащих к трем различным «кругам»: а) экономическое «ядро» мировой системы, б) «полупериферия» и в) полная «периферия». Причем сочетание этих трех зон мировой экономики находится в движении и перемещается в геополитическом пространстве. В мировой политике теория И. Валлерстайна выделяет в качестве главного фактора борьбу сверхдержав за мировое господство, а в области культуры делает

упор на взаимодавлении «культурных цивилизаций» и их стремлении занять господствующее положение [Wallerstein 1995; Валлерстайн, 1997, 1999, 2001, 2003 а, 2003 б].

Примечательно, что, несмотря на свой «миросистемный» радикализм, подход И. Валлерстайна не порывает с концепцией национальных государств, предлагая лишь соответствующим образом объединять их в три указанные выше зоны. Так или иначе, границы между государствами или «зонами» остаются.

Обозначая в качестве основополагающей в процессах глобализации дихотомию *Центра* и *Периферии*, следующий логический шаг делают сторонники теорий периферийного капитализма и зависимого развития – Р. Пребиш, Т. Дус-Сантус, Дж. Арриги, Л. Склэр, Р. Гиссингер, Н.П. Глэдич, У. Уагар и др. Глобализация, по их мнению, только закрепляет неравенство между Центром и Периферией, вскрывая границы ранее закрытых экономик и распространяя модель зависимого развития на новые и новые территории. Завершающий такой ход мысли шаг в понимании глобализации в русле теорий мир-системного подхода и теорий экономической зависимости делает известный отечественный историк Ю.И. Семенов: по его мнению, процесс интернационализации, по сути, трансформирующийся в процесс формирования всемирного исторического пространства и завершившийся к началу XX в., во второй половине столетия сменился качественно новым процессом *глобализации* – процессом превращения всемирной системы социоисторических организмов, развивавшихся в последние два столетия хоть и под влиянием Запада, но в целом независимо, в один мировой социально-исторический организм. И проявлением этого процесса, по мнению Ю.И. Семенова, выступает разрушение системы национальных капиталистических рынков, сращивание экономик всех стран под воздействием ТНК и транснациональных финансовых структур, ослабление влияния национальных государств зависимых стран на экономику и социальные процессы в своих странах [Семенов, 2003, с. 509–568]¹⁴. Вывод, который следует из концепции Ю.И. Семенова, таков: человечество вступает в новую эпоху – эпоху качественно иных форм организации производства, в которых классовое деление пролегает теперь не между группами людей в пределах одного общества, одного социального организма – а между государствами, превращающимися в своеобразные мегаклассы. Но из этого также следует, что глобализация порождает новые линии протестного сознания (в том числе и «ложного»), новые формы массовых движений¹⁵.

Концепция глобальной культуры на протяжении последних более чем десяти лет разрабатывается на страницах журнала-альманаха «Теория, культура и общество» (*Theory, culture and society*), редактируемого М. Фезерстоуном [Global culture, 1992]. Главные направления разработки предлагаемого подхода (модели) – это конsumerизм как явление глобальной культуры, мировой туризм, мировые культуры и религии, культура постмодернизма. Центральный вопрос, рассматриваемый представителями этой школы социологической глобалистики, касается проблемы самоидентификации личности в условиях нарастания транснациональных тенденций в культуре. Что испытывает индивид в ситуации превращения его национальной культуры в часть глобального мирового целого? Отсюда такие специфические темы, как американизация мировой популярной культуры, «макдональдизация» и др. В рамках этой социологической модели преобладающая роль в глобальных процессах отводится именно культуре. Причем представители этой школы, признавая развитие транснациональных культурных процессов, между тем отказываются безоговорочно стать на позиции «глобального оптимизма» (по принципу «чем больше глобального – тем лучше»). Напротив, они считают, что тотальное распространение телевидения и других средств коммуникаций не приводит к тому, что М. Маклюэн назвал «глобальной деревней» [McLuhan, Fiore, 1968] – аналогом современного глобального сообщества, основанного на идентичных культурных образах

---

¹⁴ Новое издание этой известной книги предприняло издательство «Академический проект» в 2013 г.

¹⁵ См. об эволюции понимания протестного сознания и движения: [Кагарлицкий, 2007, 2010; Завалько, 2005].

(icons) и потерявшего свое местное, национальное начало. По мнению сторонников концепции «глобальной культуры», происходит перемешивание национальных культур при сохранении их собственных «слоев», словно в коллоидном химическом растворе (перемешивание без «химического» взаимодействия между субстанциями). Причем в этом смешении культур устанавливаются определенные пропорции равновесия, препятствующие дальнейшему нивелированию или гомогенизации. В этом смысле миру не грозит тотальная американизация культуры, ибо проникновение массовой культуры США будет на том или ином уровне остановлено потенциалом национальной культуры, а на пограничье двух культурных слоев начнется активный процесс диффузии. Кроме того, данная теория использует понятие «гиперреальность» (постмодернистский термин, обозначающий новое качественное состояние культуры, испытавшей процесс диффузии). Это будет культура, лишенная внутренней системности и центров опоры. Возобладают фрагментированные сегменты, хаотично сочетающиеся (или не сочетающиеся) друг с другом¹⁶.

В рамках указанного подхода утвердилось понятие «глоболокализм». Это лексическое новообразование сформировалось и обрело сторонников на XII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде (1990). Социологи, использующие данный термин (прежде всего, Р. Робертсон, М. Арчер, Н. Смелзер и др.), при рассмотрении глобальных процессов подчеркивают важнейшие изменения, происходящие в локальных, т.е. местных сообществах, малых культурах и субкультурах, территориально локализованных и обладающих пусть относительно, но все же оседлостью. Это, в свою очередь, приводит к установлению важнейших «локально-глобальных связей» («*local-global nexus*»).

Идея состоит в том, что территориальные общности обретают в контексте глобальных тенденций совершенно новые качества. И потому известная формула «*To think globally but act locally*» (*Мыслить глобально, но действовать локально*) в теоретико-социологическом смысле становится вполне адекватной.

Концепции глобального общества. Несколько теоретико-методологических подходов (моделей), принадлежащих данной ориентации в глобалистике, в большей степени делают акцент на международных отношениях, чем на социологии как таковой. Тем не менее их значение для социологического миропонимания также весьма существенно.

Исходной точкой построения подобных моделей служит утверждение, что как бы мир ни глобализировался, он все же состоит из отдельных государств и, соответственно, самостоятельных культур. Однако эти национально-государственные образования в процессе взаимодействия вырабатывают некую транснациональную систему взаимосвязей и взаимоотношений. Таким образом, рассмотрение глобального мира с позиций (индивидуальных) перспектив отдельных государств не дает адекватной картины. Это всего лишь игра, напоминающая столкновение бильярдных шаров. Ставится задача разработки модели мирового сообщества как целого. Для этого требуется заменить, «снять» абсолютизацию национальных государств как «единицы» взаимодействия и встать на позицию системного анализа мирового сообщества. Данная теория редко оперирует экономическими и культурными факторами. Она целиком погружена в государственно-политические вопросы.

В том же ряду и позиция, сторонники которой стремятся заменить «государственническую» точку зрения на миро-системную, акцентируя внимание на переходе «к новой системе отношений», сфокусированных на международных организациях как прообразе будущего сообщества. В целом эта идея соответствует уже ставшей классической концепции «переходного общества», выдвинутой Р. Ароном [Aron, 1984; Арон, 1993 а, 1993 б;] в его теории «переходных отношений», и соответствующая ей модель глобализации не обладает чертами завершенности и внутренней логической полноты. Она лишь указывает на необходимость уделять

¹⁶ См.: [Heider, 2009; Виртуализация межуниверситетских научных коммуникаций, 2010].

первенствующее внимание неправительственным организациям, международным общественным движениям, особенно в тех случаях, когда они берут на себя полномочия создавать новые надгосударственные объединения. Все это имеет прямое отношение к общесоциологической и политологической концепции гражданского общества, рассмотренного в качестве глобальной реальности.

Принципиально новую концепцию глобального общества предложили авторы нашумевшего сборника «Современность и ее будущее» [Modernity and its futures, 1992], изданного в 1992 г. в Англии. Главная цель его авторов – внедрить понятие глобализации в контекст теории постмодернизма. Поскольку категория «modernity» (иными словами, образ современного индустриального общества) канонически утвердилась, возникают вопросы: что происходит с «современным» обществом в процессе его глобализации? Разрушаются ли при этом такие феномены, как капитализм, национальные государства, или они усиливаются?

Отвечая на эти вопросы, Э. Гидденс в книге «Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь» [Giddens, 1999]¹⁷ проводит теоретический анализ понятий социального времени и социального пространства, прошедших «обработку» глобализацией. Согласно его выводам, в ходе глобализации имеет место как компрессия пространственно-временных параметров социума, так и их «разнесение» (distanciation). В своем анализе modernity Э. Гидденс определяет глобализацию, используя четыре параметра: а) система национальных государств; б) мировой военный порядок; в) международное разделение труда; г) возникновение мировой капиталистической экономики. Все это, по мысли Э. Гидденса, стало следствиями трансформирующейся «современности», переходящей в «постсовременность». Причем постсовременность (прежде всего, глобальная) возникает в результате взаимодействия объективных (линейных) глобальных тенденций и локализованных феноменов повседневности. Именно на рубеже этого взаимодействия и возникает постмодерн с его характерными культурными гибридами. Таким образом, в теории Э. Гидденса упор делается на объективно-субъективные феноменах; проблемы социального сознания, по сути, ставятся во главу угла.

Модель глобальной системы. Данный теоретический подход, предложенный Л. Склэром [Sklair, 1991, 2007], выдвигает понятие «транснациональные практики» (transnational practices), которые охватывают области, существенно более широкие, чем сфера международных отношений на уровне национальных государств. С одной стороны, глобальная система Л. Склэра реалистически признает значимость национальных государств, но с другой – предлагает перенести фокус внимания на «транснациональные практики», отличительной чертой которых признается наличие международных (не национальных) акторов и прозрачности границ.

Транснациональные практики последовательно пронизывают экономические, политические и культурные институты обществ, причем доминирующим фактором оказываются глобальные свободные рынки и либеральные экономические отношения, т.е. то, что принято называть «капитализмом». В каждой из указанных сфер, пронизанных транснациональными практиками, доминируют конкретные социальные институты: ТНК формируют транснациональные практики в области экономики; в политической сфере преобладает «транснациональный капиталистический класс»; культурно-идеологические транснациональные практики определяются глобальным консумеризмом (идеологией потребительства) и т.д. По мысли Л. Склэра, модель глобальной системы не противоречит другим глобалистским моделям, ибо показывает, как институты национальных государств, не теряя своей (внутренней) идентичности, превращаются в истинно глобальные. Происходит нечто сравнимое с подрывом национальных институтов изнутри: внешне они продолжают оставаться традиционно национальными, будучи по сути уже глобальными. Это можно проследить на таких примерах, как

---

¹⁷ В русском переводе: [Гидденс, 2004].

взаимоотношения руководства ТНК и их местных представителей в разных странах, «глобализация» национальных бюрократов и бюрократических институтов, приверженных глобальному рынку, местных политиков и интеллектуалов и, наконец, возникновение глобализированных консумеристских элит.

Согласно анализу Л. Склэра, существует один класс – транснациональный капиталистический класс, – который и принимает все решения, касающиеся общемировых проблем. В отдельно взятой стране этот класс представлен в «местной» ТНК. Что касается теории культуры и идеологии консумеризма, то она приходит на место прежней концепции «культурного и информационного империализма».

Особенностью современного *глобального консумеризма* следует считать, по Л. Склэру, экспансию «транснациональных практик», прогрессирующих образцов потребления, не подразумевающих наличия средств их достижения. Это своеобразная религия потребительства, в которой бог – производитель товаров и услуг в принципе не достижим для верующего в потребление.

Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в следующем: иррационализация рациональных матриц (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритет количественных характеристик (коммерциализация), готовность к употреблению («оперантность»), полностью гарантированное качество на определенном уровне, упакованность в яркие символические формы, виртуализация культурных образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен) [Покровский, 2000; Виртуализация межуниверситетских и научных коммуникаций, 2010].

Многие рассмотренные подходы к пониманию и истолкованию процессов глобализации имеют сходные черты, что лишний раз подчеркивает общую тенденцию социального теоретизирования данной области. Все эти концепции или модели осмысления феномена глобального пространства достаточно открыты для критики. Однако знаменательно, что их сторонники, признавая наличие противоречий в своих построениях, ни при каких обстоятельствах не отказываются от главных тезисов. Подобная внерациональная убежденность и позволяет утверждать, что в области теории глобализации мы имеем дело с определенным *конструированием социальной реальности*.

Концепция порождающих технологий

Смысл разнообразных конструкций можно хорошо представить себе на примере концепции «Обществ, основанных на знании» («knowledge societies»), разработанной немецко-канадским социологом Нико Штером [Stehr, 1994, 2008; Grundmann, Stehr, 2012], из которой вытекает, что не только бизнес и политики, но и сообщества ученых оказывают существенное воздействие на трансформационные процессы в глобальном масштабе.

Теория Н. Штера имеет немалую историю, связанную с именами Р. Лэйна, П. Дракера, Д. Белла, Р. Арона и др. Действительно, в современных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. При этом сообщества ученых исполняют функции не только экспертов, но и «демиургов» самого действия (на что, как правило, претендуют лишь политики и представители корпоративного бизнеса). Это утверждение основывается на признании следующих положений:

- научное знание все больше проникает во все сферы жизни, оказывая на них существенное влияние;

- усиливается давление (в рамках гражданского общества) научно образованного населения на политические институты;
- возникают новые области экспертного знания и провоцируемые им последующие социально-институциональные изменения;
- сферы социального конфликта перемещаются с поля непосредственных социально-политическо-экономических интересов в область столкновения научных концепций развития, изменений, трансформаций, включая глобализацию;
- возрастает хрупкость современных организаций, основанных на применении научного знания.

Расширение зон применения научного знания в современном обществе вовсе не ведет к линейной траектории социальных изменений, показывает Н. Штер. Напротив, в обществе конкурируют различные научные концепции, каждая из которых обладает определенным созидательным потенциалом, оказывающим зримое воздействие на формирование социальной реальности. В этом смысле ни глобальное сообщество в целом, ни отдельные сообщества не имеют заданного и единого направления своей эволюции. Достаточно обоснованная социальная теория, делает вывод Н. Штер, обладает потенциальной способностью изменить социальную реальность, стимулируя практики «порождающих технологий».

Принцип «ЕСРС»

Известный американский социолог-теоретик неовеберианского направления Джордж Ритцер предложил новое измерение в исследовании культурных процессов в эпоху глобализации. В рамках концепции Дж. Ритцера, получившей известность под названием «макдоналдизация» [Ritzer, 1998; Ритцер, 2011], приобрела немалую известность метафора крайнего рационализма в деловых отношениях и производстве: эффективность, просчитываемость, предсказуемость, контроль (в английской аббревиации – ЕСРС). Джордж Ритцер формулирует рационалистическую модель американизации деловых взаимоотношений в лапидарной схеме:

- *Efficiency* – эффективность, прежде всего экономическая, оптимизация выгоды;
- *Calculability* – просчитываемость в рамках простых или сложных количественных моделей;
- *Predictability* – предсказуемость, «ожидаемость»;
- *Control through nonhuman technologies* – контроль над поведением со стороны дегуманизированных технологий и технологических процессов [Ritzer, 1998].

Условно назовем это «*принципом ЕСРС*» подобно парсоновскому принципу AGIL. Данная модель разработана Дж. Ритцером с опорой на методические постулаты М. Вебера и К. Маннгейма. При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системы рациональности, связанной с традиционной культурой. Наверное, нет смысла уподоблять принципы «макдоналдизации», предложенные Ритцером, классической веберовской модели протестантской этики. И тем не менее аналогии неизбежно возникают.

Вебер фактически «открыл» (наряду с Марксом) капитализм, т.е. показал смысл и логику всего происшедшего в рыночном обществе. Нечто подобное осуществляет и современный американский социолог, расколдовывая загадочную сложность американизированной цивилизации, осуществляющей свою поступательную экспансию. Оказывается, вся эта сложность в большей или меньшей степени укладывается в четыре принципа. (Кстати сказать, у Вебера их было не больше.) Можно спорить по поводу того, насколько принципы Дж. Ритцера универсальны и описывают ли они все современные общества¹⁸, но несомненен значительный вклад

¹⁸ Идеи «макдоналдизации», выдвинутые Дж. Ритцером в начале 1990-х годов, получили продолжение и развитие в его

американского социолога в понимание современных культурных практик, инициированных глобализацией.

Мир XXI в. рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век уходящий. По сути, новое столетие, эпоха «посткапитализма» предстает обыденной и даже вульгарной, но *внутренне целостной*. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя всем современным сообществам под названием глобализации. Попытаться избежать ее также бессмысленно, как в свое время было бессмысленно избежать капитализма (даже если его и называли социализмом). Однако понимать закономерности глобальных трендов – означает обрести определенную степень свободы в несвободном мире.

Основные черты глобализации

Каковы же общие свойства большинства представленных выше глобалистских моделей с точки зрения содержащихся в них социальных конструкций-матриц?

Всеохватность и комплексность изменений. Прежде всего теория глобализации подчеркивает: акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных «траекторий» социальных изменений в тех или иных сферах, а на анализе взаимодействия этих изменений друг с другом, на их переплетении и взаимоположении. Это подразумевает усиление внимания к пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальной всеохватности.

Противопоставление глобального и локального в области культуры, рассмотрение тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких «локальных» ценностей, как традиции, обычаи, привычки, практики местных сообществ и др. Короче говоря, новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс отказа от «старого» идет быстро, решительно, зримо, а всякое «новое» обладает, по мнению теоретиков глобализма, заведомым преимуществом, поскольку оно «глобальное». Из этого в принципе следует, что именно *глобальное приобретает статус высшей нормативной ценности*. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости преодолевать все «ступени» вертикальной иерархии, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных процессах.

Множественность культурных гибридов. Теории глобализации радикально изменяют наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась по преимуществу как нечто либо наследуемое, либо спускаемое «сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса «конфликтности». Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социокультурных гибридов», с присущими им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Примордиальные феномены и гражданское общество. В этом контексте своеобразный поворот получает и проблематика гражданского общества. Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся примордиальные (примитивные, свойственные первобытности) феномены,

близкие по своему характеру к фрейдовскому *Id* и мидовскому *I*, проявляющие себя, например, в этничности (т.е. этническом происхождении, расе, как и поле), занимают все более важное положение в глобализируемых процессах и институтах. Мозаичный набор социальных «типов» и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами – все это создает *глобалистско-постмодернистскую* картину социального мира.

Новая концепция рациональности. Глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках «современного общества» по контрасту с «постсовременным». Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, она предлагает образцы новой рациональности. Рациональность в глобальном смысле понимается, прежде всего, как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое частное проявление в теории мультикультурализма, т.е. в признании доминирования принципа полной мозаичности культурной «карты» той или иной региональной или профессиональной группы [Albrow, 1997; Global culture... 1992; Global modernities, 1995; Robertson, 1992; Stehr, 1994; Tiryakian, 1997; Wallerstein, 1995; Waters, 2002].

Противоречивая глобализация на российской почве

Что же происходит в России в XXI в.? В течение первых двух десятилетий внешне казалось, что новое состояние российского общества более или менее сбалансировано и по существу поддерживается структурами мировой глобализации. По умолчанию предполагалось, что Россия включилась в систему догоняющего развития, или модернизации, и будет наращивать свое движение по этому маршруту¹⁹. Казалось, весь мир развивается по схожим схемам, но со своими вариациями. Большинству исследователей представлялось, что Россия в этом смысле не исключение, а лишь *инвариант* общего состояния мирового сообщества.

Социальная реальность продемонстрировала большую сложность, нежели представлялось экономистам и социологам в 1990-е и начале 2000-х годов. С одной стороны, в ней активно реализуют себя большинство глобалистических тенденций в их яркой «гибридной» форме. Но с другой стороны, активизируются процессы реанимации традиционалистских, досоветских и даже докапиталистических экономических и социальных отношений. Парадокс российской современности – в одновременном сосуществовании ультрасовременных и архаичных социальных моделей и практик.

Весьма примечательно, что культурные глобализационные гибриды, описанные выше, получили в России конца 1990-х годов немалое распространение. Культурные гибриды реализуют себя и в социально-экономической жизни, соединяясь в симбиотические образования с архаическими моделями социального экономического взаимодействия.

В современной российской экономике – насыщенной новейшей техникой и инфокоммуникациями – параллельно присутствуют многочисленные некапиталистические элементы, различные формы архаических экономических отношений, ведущих свое происхождение из первобытных и предклассовых стадий, что ставит под сомнение капиталистический характер российского общества и экономики²⁰. Среди возрождающихся архаических форм экономического взаимодействия – дарообмен, блат и услугуобмен, милитарное (силовое) присвоение, кабальничество и рабство, престижная экономика и многие другие, не просто присутствующие в современной России, но и образующие своеобразный общественный уклад. Некоторые из этих архаических структур присутствуют в экономике в качестве маргинальных, «пережи-

---

¹⁹ См. ранний анализ pro et contra теории модернизации постсоветской России: [Федотова, 1997; Федотова, Колпаков, Федотова, 2008].

²⁰ См. работы: [Косалс, 2006; Тимофеев, 2000; Радыгин, 2004; Шляпентох, 2008].

точных» явлений, но многие подобные модели стали активно влиять на экономическую жизнь не только России, но и самых, казалось бы, «прогрессивных» обществ. Глобализация словно высвечивается изнутри парадоксами архаики. Именно на принципах архаической экономики, как выясняется, строятся модели теневой, коррупционной, нелегальной и неформальной экономической деятельности, о всплеске которой в последние десятилетия так активно говорят исследователи²¹.

Исследованиям архаических форм экономики «не повезло» в том смысле, что их не рассматривали в качестве «своих» ни экономисты, ни историки, ни культурные антропологи. Растворенность собственно экономических действий в море иной – культурной, ритуальной, религиозной, церемониальной, повседневной и бытовой – практики долгое время не позволяла этнологам вычленить экономическую этнологию в качестве особой субдисциплины. Лишь в начале и середине XX в. начались систематические и целенаправленные полевые исследования социально-экономических отношений у народов, которые все еще продолжали оставаться на стадии доклассового общества (Д. Гудфеллоу, Р. Ферс, М. Херцковиц, Б. Малиновский, М. Мосс, К. Поланьи²², Дж. Дальтон и М. Салинз, М. Годелье и др.) В отечественной экономико-этнологической мысли наибольший вклад в исследование докапиталистических форм экономики предпринято Ю.И. Семеновым, чье теоретическое исследование экономической основы первобытного общества, а также азиатского способа производства (политаризма, в терминах ученого) открыло новую страницу в экономико-исторических исследованиях внеэкономического принуждения²³.

Таким образом, лишь во второй половине XX в. в результате большой работы, проделанной в области экономической этнологии и экономической истории, стало очевидным и доказанным наличие особого рода экономических систем, которые, оставаясь экономическими, не выглядят и не являются системами рыночной экономики. Открытие же в науке универсального распространения в истории такой разновидности раннеклассовых систем, как *политарная*²⁴, привело к существенному изменению представлений и о советском обществе как об обществе социалистическом, а о постсоветском обществе – как об обществе, осуществляющем переход от социализма к капитализму.

Неклассические, некапиталистические формы экономики, проявляющие себя в современных социальных и экономических практиках, стали начиная с 1950–1960-х годов предметом заинтересованного внимания зарубежных экономистов и социологов в силу широкого распространения в экономиках молодых развивающихся стран, а также в странах постсоветских, «транзитивных». При этом выяснилось, что корни и природа неформальной экономики вырастают из архаических производственно-экономических отношений и чаще всего реализуются также в системе этих отношений [Николаева, 2005 а, 2005 b, 2005 d].

Не случайно таким популярным направлением в последние годы стала область изучения «экономики блага». «Благообмен», как показали в свое время ряд исследователей²⁵, строится

²¹ Следует отметить: [Волков, 2002; Организованная преступность... 1996; Гуров, 1995; Клямкин, Тимофеев, 2000 а, 2000 b; Кошелев, 1999; Потемкин, 2000; Тимофеев, 1998, 2000; Galeotti, 1996; Frisby, 1998].

²² Все большую известность труды и деятельность К. Поланьи (1886–1964) получают в России, хотя и гораздо медленнее, чем это предполагает значение фигуры исследователя. В 2004 г. общественность отмечала 40 лет со дня смерти этого выдающегося антрополога и историка экономики, а также 60 лет с момента выхода в свет его самой известной книги «Великая трансформация» (пер. на рус. яз.: [Поланьи, 2002]).

²³ Подробнее о многообразии этих ранних экономических отношений см. в работах Ю.И. Семенова: [Семенов, 1993, 2011, 2014].

²⁴ *Политаризм, политарное общество* – термин, введенный Ю.И. Семеновым для обозначения так называемого азиатского способа производства и азиатского типа общества, базирующегося на общеклассовой частной собственности государственного аппарата на средства производства (землю в архаических обществах) и личности непосредственных производителей («государственное рабство»).

²⁵ См. подробнее: [Клямкин, Тимофеев, 2000 а; Саттер, 2004; Леденева, 1997, 1999; Ledeneva, 1998, 2001, 2006].

особым образом: по каналам неформальных (персонально-ориентированных) 상호обменных связей движется поток ценностей, товаров, услуг, денег. Неформальная теневая «экономика блага» составила основу теневой экономики постсоветского времени: старые и новые 상호обменные связи стали каналами приватизации, персонализации корпоративной государственной собственности. Специфической особенностью поздней советской, перестроечной и постперестроечной экономики стало резкое возрастание экономической роли родственно-семейных и дружественных связей, активное использование этих связей для решения частных экономических задач. При этом удивительным образом обнаружилось сходство социально-экономических процессов, протекавших в постсоветских государствах и в странах, давно «строящих» развитый капитализм (странах Латинской Америки и др.). «Десять лет назад, – констатирует экономист Эрнандо де Сото, – мало кто рискнул бы даже намекнуть на сходство между странами Варшавского блока и Латинской Америкой. Но сегодня они кажутся почти близнецами: мощная теневая экономика, вопиющее неравенство, вездесущие мафии, политическая нестабильность, бегство капитала и пренебрежение законом» [Сото, 2001, с. 211].

Многогранную картину социальных процессов в странах, которые вошли в этап глобализации, рисует М.Г. Делягин в книге «Мировой кризис: Общая теория глобализации» [Делягин, 2003]. По мнению М.Г. Делягина, в России проявилась «атомизация общества, брошенного государством, до уровня отдельной семьи, а то и отдельной личности». В таком обществе, в котором расширяется социальный и нравственный вакуум, «распадаются межчеловеческие связи, которые, собственно, и образовывали это общество», «человек начинает жить в одиночку, в социальной системе, где, кроме него, устойчивы только властные структуры» [там же, гл. 15.1]. В результате этих процессов, пишет М.Г. Делягин, возникает эффект потери социальной и культурной идентичности, эффект кризиса самоидентификации, при которой человек перестает ощущать свою идентичность с обществом [там же]. Общество в таких условиях скатывается к архаике, локализации, фрагментации, «феодализации» [Шляпентох, 2008].

Заключение: Парадоксальная глобализация

Ко второму десятилетию XXI в. глобализация вышла на новый уровень. Линейные схемы поступательного развития, «смерти истории», прежде доминировавшие в социальной теории, высветились внутренней парадоксальностью, сочетанием, казалось бы, несочетаемого, реанимацией феноменов давно ушедшего прошлого. Во весь голос заявила о себе девиантная гибридная культура, претендующая на роль базовой.

В этих условиях прежние ценности культуры российского общества (в мегаполисах и больших городах это особо заметно) явно оттесняются на обочину и превращаются в субкультурные анклавы, не связанные друг с другом. Там они, возможно, не исчезнут окончательно, а станут основой различных субкультур, своего рода постмодернистской экзотикой, зоопарком доглобализационного периода. Соответственно, будут существовать и замкнутые сообщества (группы), их поддерживающие (по аналогии с «монастырской парадигмой» Т. Розака). Экономические процессы глобализации будут своеобразно преломляться в культурных и повседневных практиках.

Теснейшая взаимосвязь и даже взаимопроникновение новейших капиталистических и докапиталистических экономических отношений в развивающихся и трансформирующихся обществах – важнейший признак периферийного капитализма, проявляющего свои черты в эпоху глобализации по-новому. Распространенный в свое время в экономической и социологической науке тезис, согласно которому глобализация, распространяясь вширь, «расчищает» от прежних напластований экономическое и социальное пространство, на котором автоматически бурно будут произрастать современные капиталистические отношения, не подтвердился. Как показывают исследования, в периферийных странах капиталистический способ произ-

водства и докапиталистические способы производства оказываются *не в антагонистических, а в симбиотических отношениях*: капиталистические отношения, проникая в эти страны, не вытесняют, а втягивают, вбирают в себя докапиталистические отношения, а докапиталистические отношения в этих странах трансформируются и интегрируются в капитализм. Поэтому совмещение, сочленение (*articulation*) капиталистических и докапиталистических отношений принадлежит к числу тех особенностей периферийного капитализма, которые отличают его от капитализма метрополии, от капитализма Центра (от ортокапитализма, в терминах Ю.И. Семёнова). Все это делает особенно ценным знание о механизмах и закономерностях функционирования докапиталистических экономических систем, элементы которых продолжают воспроизводиться в современных экономических системах, существующих уже в условиях единого мирового экономического пространства, в условиях глобализации. Таким образом, выясняется, что современная экономика включает в качестве своих составных частей чуть ли не все исторически существовавшие экономические структуры прошлого, которые современные теоретики чаще всего не воспринимают как экономические.

Возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия, но не только в виде создания разного рода депозитариев памятников и документов культуры (хотя и их тоже), а прежде всего в качестве «хранилищ» живых ценностей, в том числе и в их деятельностных вариантах. Этому могут служить различные микрообщественные организации, группы, движения и т.д., которые создают свои сети взаимного общения, хотя и не находящиеся на авансцене трансформирующегося социума.

В отечественной литературе не обсуждалась идея особого «испытательного» и экспериментального характера современной российской культуры под углом зрения глобалистских подходов. Мы же считаем правомерным такой подход (хотя бы как гипотезы), позволяющий по-иному оценить происходящее в России в области культуры, в частности в контексте общемировых трендов. Под таким углом зрения Россия предстает не как отсталая и почти «варварская» периферия высококультурного Запада, но как социум, в котором имеет место предвосхищающее развитие глобальных тенденций, сколь бы настораживающими они ни были.

Список литературы

1. Арин О.А. (Алиев Р.Ш.) Мир без России. – М.: Эксмо, 2002. – 480 с.
2. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993 а. – 303 с.
3. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.: Прогресс-Универс, 1993 б. – 608 с.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
5. Валлерстайн И. Глобализация или переходная эпоха: Глобальный взгляд на долгосрочное развитие мировой системы. – М.: Красные холмы, 1999. – 127 с.
6. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003 а. – 368 с.
7. Валлерстайн И. После либерализма / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Эдиториал УРСС, 2003 б. – 256 с.
8. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // СоцИс. – М., 1997. – № 1. – С. 8–21.
9. Виртуализация межуниверситетских и научных коммуникаций: Методы, структура, сообщества / Под общ. ред. Н.Е. Покровского. – М.: СоПСо, 2010. – 156 с.
10. Волков В.В. Силовое предпринимательство. – СПб.; М.: ЕУСПб: Летний сад, 2002. – 282 с.

11. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
12. *Гуров А.И.* Красная мафия. – М.: Самоцвет: МИКО «Коммерческий вестник», 1995. – 352 с.
13. *Делягин М.Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 47–49.
14. *Делягин М.Г., Шеянов В.В.* Мир наизнанку: Чем закончится экономический кризис для России? – М.: ИД «Коммерсантъ»: Эксмо, 2009. – 352 с.
15. *Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках: Проблемы, идеи, концепции. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с. – (Размышляя о марксизме).
16. *Кагарлицкий Б.Ю.* От империй – к империализму. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – 680 с.
17. *Кагарлицкий Б.Ю.* Политология революции. – М.: Алгоритм, 2007. – 576 с. – (Левый марш).
18. *Кастельс М.* Глобальный капитализм и новая экономика: Значение для России // Постиндустриальный мир и Россия: Сб. ст. / Отв. ред.: В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 64–83.
19. *Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. – М.: РГГУ, 2000 а. – 595 с.
20. *Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. – М.: РГГУ, Центр по изучению нелегальной экономической деятельности, 2000 б. – 67 с.
21. *Косалс Л.* Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас. – М., 2006. – № 6. – С. 179–199.
22. *Кошелев М.И.* Беспредел: Философско-трансдисциплинарный очерк. – М.: Горизонт, 1999. – 111 с.
23. *Леденева А.В.* Блат и рынок: Трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 111–124.
24. *Леденева А.В.* Неформальная сфера и блат: Гражданское общество или (пост) советская корпоративность // Pro et Contra. – М., 1997. – Т. 2, № 4. – С. 113–124.
25. *Малахов В.С.* Еще раз о конце истории // Вопросы философии. – М., 1994. – № 7–8. – С. 48–50.
26. *Медведев В.А.* Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее России. – М.: Альпина Паблицер, 2003. – 440 с.
27. *Николаева У.Г.* За кулисами: Современная неформальная экономика и архаические экономические отношения: Вопросы теории // Российское предпринимательство. – М., 2005 а. – № 9. – С. 49–54.
28. *Николаева У.Г.* Неформальная экономика и актуализация архаических отношений: Теоретико-методологический анализ // Предпринимательство. – М., 2005 б. – № 4. – С. 88–188.
29. *Николаева У.Г.* Экономическая архаика и современность. – М.: Дашков и К, 2005 с. – 224 с.
30. *Николаева У.Г.* Vita nuova архаических экономических отношений: Загадки современной российской неформальной экономики. – М.: Дашков и К, 2005 d. – 175 с.
31. Организованная преступность в России: Теория и реальность // Труды Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской академии наук: Материалы текущих исследований / Под ред. Я.И. Гилинского. – СПб.: СПб ФИС РАН, 1996. – Вып. 4. – 96 с.
32. *Покровский Н.Е.* В зеркале глобализации // Отечественные записки. – М., 2003. – № 1. – С. 51–65.

33. *Покровский Н.Е.* Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: Теории, практики, сравнительный анализ. – М.: Флинта: МПСИ, 2005 а. – С. 504–527.

34. *Покровский Н.Е.* Неизбежность странного мира: Включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2000. – Т. 3, № 3. – С. 21–31.

35. *Покровский Н.Е.* Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: Теоретические и прикладные аспекты // Современный российский Север: От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. – М.: СоПСО, 2005 б. – С. 19–25.

36. *Поланы К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / Под общей ред. С.Е. Федорова. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с. – (Рах Britannica).

37. *Потемкин А.П.* Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие: Россия. Порог XXI века. Экономика. – М.: Инфра-М, 2000. – 592 с.

38. Практика глобализации: Игры и правила новой эпохи / Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 342 с.

39. *Радыгин А.Д.* Россия в 2000–2004 годах: На пути к государственному капитализму? // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 4. – С. 42–65.

40. *Ритцер Дж.* Макдоналдизация общества 5. – М.: Праксис, 2011. – 592 с.

41. *Саттер Д.* Тьма на рассвете: Возникновение криминального государства в России. – М.: ОГИ, 2004. – 336 с.

42. *Семенов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России: Философско-исторические очерки. – М.: Либроком, 2011. – 376 с.

43. *Семенов Ю.И.* Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – М.: КРАСАНД, 2014. – 717 с.

44. *Семенов Ю.И.* Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.

45. *Семенов Ю.И.* Экономическая этнология: Первобытное и раннее предклассовое общество. – М.: ИЭА РАН, 1993. – Кн. 1, ч. 1–3. – XXV, 710 с. – (Материалы к серии «Народы и культуры»; вып. 20: Экономическая этнология).

46. *Симония Н.А.* Глобализация и неравномерность мирового развития // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 25–36.

47. *Сото Э. де.* Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. – 272 с.

48. Справедливая глобализация: Создание возможностей для всех: Доклад Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации. – Женева: Международное бюро труда, 2004. – 171 с.

49. *Тимофеев Л.М.* Институциональная коррупция: Очерки теории. – М.: РГГУ, 2000. – 364 с.

50. *Тимофеев Л.М.* Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. – М.: РГГУ, 1998. – 112 с.

51. *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФ РАН, 1997. – 255 с.

52. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации: Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М.: Культурная революция, 2008. – 607 с.

53. *Шляпентох В.Э.* Современная Россия как феодальное общество: Новый ракурс постсоветской эры. – М.: Столица-Принт, 2008. – 368 с.

54. *Albrow M.* The global age: State and society beyond modernity. – Stanford (CA): Stanford univ. press, 1997. – IX, 246 p.
55. *Aron R.* La paix et la guerre entre les Nations. – P.: Calmann-Levy, 1984. – XXXVII, 794 p.
56. Entering the 21st century: World development report, 1999/2000 / Ed. by Y. Shanid. – N.Y.: Oxford univ. press, 2000. – IX, 300 p.
57. *Frisby T.* The rise of organized crime in Russia: Its roots and social signification // Europe-Asia studies. – Abingdon, 1998. – Vol. 50, N 1. – P. 27–49.
58. *Fukuyama F.* The end of history? – Wash.: National interest, 1989–1990. – 49 p.
59. *Galeotti M.* Mafiya: Organized crime in Russia. – Coulsdon: Jane's information group, 1996. – 22 p. – (Jane's intelligence rev.; spec. report N 10).
60. *Giddens A.* Runaway world: How globalization is reshaping our lives. – L.: Profile books, 1999. – XIII, 104 p.
61. *Gissing R., Gleditsch N.P.* Globalization and conflict: Welfare, distribution, and political unrest // J. of world-systems research. – Santa Cruz (CA), 1999. – Vol. 5, N 2. – P. 327–365.
62. Global culture: Nationalism, globalization and modernity / Ed. by M. Featherstone. – L.: SAGE, 1992. – 411 p. – (Theory, culture a. society; spec. iss.).
63. Global modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – L.; Thousand Oaks (CA): SAGE, 1995. – IX, 292 p.
64. *Grundmann R., Stehr N.* The power of scientific knowledge: From research to public policy. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2012. – 221 p.
65. *Heider D.* Living virtually: Researching new worlds. – N.Y.: Peter Lang, 2009. – XI, 296 p.
66. *Hirst P., Thomson G.* Globalization in question: The international economy and the possibilities of governance. – Cambridge; Malden (MA): Polity, 1996. – XVIII, 318 p.
67. *Hirst P., Thomson G., Bromley S.* Globalization in question. – 3rd ed. – Cambridge; Malden (MA): Polity, 2009. – XVII, 289 p.
68. *Junne G.* Global cooperation or rival trade blocs? // J. of world-systems research. – Santa Cruz (CA), 1995. – Vol. 1, N 9. – P. 1–21.
69. *Kennedy P.* The rise and fall of great powers. – N.Y.: Random house, 1987. – XXV, 677 p.
70. *Ledeneva A.V.* How Russia really works: The informal practices that shaped post-Soviet politics and business. – Ithaca (NY): Cornell univ. press, 2006. – XII, 270 p.
71. *Ledeneva A.V.* Russia's economy of favours: Blat, networking and informal exchange. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – XIII, 235 p.
72. *Ledeneva A.V.* Unwritten rules: How Russia really works. – L.: Centre for European reform, 2001. – 48 p.
73. *Levitt T.* The globalization of markets // Harvard business rev. – Boston (MA), 1983. – Vol. 92, N 3. – P. 92–102.
74. *McLuhan M.* The Gutenberg galaxy: The making of typographic man. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1962. – II, 294 p.
75. *McLuhan M., Fiore Q., Agel J.* War and peace in the global village. – N.Y.: Bantam books, 1968. – 190 p.
76. Modernity and its futures: Understanding modern societies / Ed. by T. McGrew, S. Hall, D. Held. – Cambridge: Polity, 1992. – Bk. 4. – VIII, 391 p.
77. *Pokrovsky N.E.* Globalization and conflict: Pitirim Sorokin and post-modernity // Return of Pitirim Sorokin / Ed. by S. Kravchenko, N. Pokrovsky. – Moscow: International Kondratieff foundation, 2001. – P. 238–250.
78. *Ritzer G.* The globalization of nothing. – Thousand Oaks (CA): Pine Forge, 2004. – XVII, 258 p.
79. *Ritzer G.* The globalization of nothing 2. – Thousand Oaks (CA): Pine Forge, 2007. – XI, 249 p.

80. *Ritzer G.* The McDonaldization thesis: Explorations and extensions. – L.; Thousand Oaks (CA): SAGE, 1998. – VIII, 212 p.
81. *Robertson R.* Glocalization: Social theory and global culture. – L.: SAGE, 1992. – 224 p.
82. *Sklair L.* A sociology of the global system. – L.: Johns Hopkins univ. press, 1991. – XII, 269 p.
83. *Sklair L.* Competing conceptions of globalization // J. of world-system research. – Santa Cruz (CA), 1999. – Vol. 5, N 2. – P. 143–163.
84. *Sklair L.* The sociology of progress. – Abingdon: Routledge, 2007. – XVI, 271 p.
85. *Smith D.* Globalization: The hidden agenda. – Cambridge: Polity, 2006. – X, 271 p.
86. *Stehr N.* Knowledge societies. – L.; Thousand Oaks (CA): SAGE, 1994. – XII, 291 p.
87. *Stehr N.* Moral markets: How knowledge and affluence change consumers and producers. – Boulder (CO): Paradigm, 2008. – XVIII, 269 p.
88. The Wiley-Blackwell encyclopedia of globalization: Vol. 1–5 / Ed. by G. Ritzer. – Chichester; Malden (MA): Wiley Blackwell, 2012. – LVI, 2582 p.
89. *Tiryakian E.* The wild cards of modernity // Daedalus. – Cambridge (MA), 1997. – Vol. 126, N 2. – P. 147–182.
90. *Wallerstein I.* Unthinking social sciences: The limits of nineteenth-century paradigms. – Cambridge: Polity, 1995. – VIII, 286 p.
91. *Waters M.* Globalization. – L.: Routledge, 2002. – XIX, 247 p.

Изменение климата и социологическая наука

О.Н. Яницкий

Ключевые характеристики состояния мир-системы

В 1920-х годах выдающийся русский ученый-геохимик, академик В.И. Вернадский разработал концепцию биосферы, а также утверждал, что человечество стало мощной геологической силой [Вернадский, 1980]. Концепция биосферы рассматривается мной как ключевая «парадигма» для изучения климатических изменений и их воздействия на все, что живет на нашей планете.

Сегодня мировая система в целом, включая Россию, представляет собой весьма неустойчивое и конфликтное образование в преддверии мирового экономического кризиса. Число и масштаб социальных конфликтов и малых войн возрастает. Мир снова входит в состояние «холодной войны», которая отличается от прошлой тем, что противостояние двух «великих держав» сменилось противостоянием множества могущественных «кластеров», состоящих из государств, многократно превосходящих Россию по численности населения. Большинство стейкхолдеров мир рассматривается, прежде всего, как источник дефицитных ресурсов, а не как пространство, пригодное для жизни человека и других живых существ. В моем понимании современный мир представляет собой «общество всеобщего риска» [Яницкий, 1996; Yanitsky 2000], на пространстве которого, включая землю и космос, больше не осталось абсолютно безопасных мест, – есть только места более или менее безопасные, число и конфигурация которых постоянно изменяются.

Надежда на «мир во всем мире» испарилась практически сразу же после окончания Второй мировой войны. Атомное оружие расплзлось по всему миру. Созданы новые виды оружия массового уничтожения. Миротворчество как этический принцип сменилось на «силовое принуждение к миру», т.е. на множество военных контингентов, сдерживающих противобор-

ствующие стороны, а при «необходимости», как это было в Ливии, – просто вмешательство стран НАТО во внутренний конфликт суверенной страны.

Быстрая индустриализация во многих развивающихся странах, рост народонаселения планеты и его жизненных запросов, переход большинства производств с угля на нефтегазовое топливо, освоение новых нефтяных месторождений в морях и океанах, которые уже не раз оказывались источниками региональных экологических катастроф, наконец, стремление к тотальной автомобилизации всего мира без должной утилизации отходов «общества потребления» – все это способно резко снизить устойчивость биосферы. Сначала в отдельных локусах, потом в регионах и континентах и, в конце концов, – в глобальном масштабе.

В таком предкризисном и напряженном состоянии мир-система естественно реагирует только на сиюминутные экономико-политические вызовы, не заботясь об общей динамике глобальной среды обитания, т.е. биосферы. Актуально только то, что происходит «здесь и сейчас» или ожидается в ближайшем будущем. Отказ США, России и Китая от продления Киотского протокола – лучшее свидетельство такого типа политического мышления. Но это не единственная причина отсутствия внимания со стороны политиков и ученых к проблеме изменения климата.

Во-первых, военные расходы растут практически во всех странах мира. А это означает секвестирование бюджета на науку, увеличение частоты испытаний новых видов аэрокосмического и другого оружия (подводных лодок, военных кораблей, ракет, спутников слежения и наблюдения и т.д.). Все это потом превращается в атмосферный или земной мусор, причем весьма небезопасный, как, например, утилизация подводных лодок, работавших на ядерном топливе.

Во-вторых, забота о снижении выбросов в атмосферу и вообще связь производственной деятельности человека и его растущего потребления оценивались как политическая спекуляция, как стремление западных держав отвлечь Россию от насущных проблем современности, навязав ей к тому же дополнительные расходы. Отсутствие или формальное присутствие высших должностных чинов на конференции в Рио-де-Жанейро (1992) и на всех последующих саммитах по климату служит тому подтверждением. Это, прежде всего, относилось к Китаю, быстрая экономика которого не могла бы развиваться такими темпами, если бы климатические изменения учитывались. Если Россия преодолет экономический кризис и станет развиваться подобными темпами, то перед ней встанет та же проблема. К тому же концепция «консервативной модернизации», молчаливо одобренная высшим российским руководством, в лучшем случае приведет к некоторой экономии энергоресурсов. Массовая автомобилизация страны (как результат общества потребления) все равно будет давать 70–80% загрязнения атмосферы, воды и почвы.

В-третьих, социальных стимулов к появлению интереса к изменению климата в российском обществе нет. Богатые озабочены только наращиванием своего богатства любыми, в том числе криминальными, способами. Браконьерство приобрело промышленные масштабы, и никакая охрана с ним справиться не может вследствие своей малочисленности и технической отсталости средств борьбы. Полиция уже вся пересела на импортные быстроходные машины, а лесники, дай бог, имеют старенький уазик, да еще с лимитом на бензин. А бедные вынуждены заботиться только о выживании, в частности за счет ресурсов природы.

В-четвертых, для СМИ любая авария, экологическая или техногенная катастрофа – лишь желанный «информационный повод», который только в очередной раз напугает людей, но не даст пищи для размышления. Чтобы заниматься климатическими изменениями всерьез, надо очень много знать, систематически обсуждать эту тему в prime-time с ведущими учеными мирового уровня, а их на ТВ никто не зовет. Да к тому же еще надо уметь объяснить, заинтересовать климатической проблематикой трудящихся или «тугие кошельки». Но в отличие от iPad'ов и других современных IT-гаджетов, которыми легко оперирует 5-летний ребенок, в

осознании угрозы всеобщего изменения климата и его последствий мы находимся на уровне традиционного общества («Что Всевышний ниспошлет нам за грехи наши, то и будет»). К тому же растущее количество экологических и техногенных катастроф во всем мире приучает массы людей к отношению к ним как к неизбежным потерям, которые должно компенсировать государство.

Наконец, в-пятых, наука о климатических изменениях стоит очень дорого и требует соответствующего технического оснащения. Средств на такие долгосрочные проекты у общества нет, тем более у социологов. Так что приходится пользоваться тем, что могут нам дать зарубежные ученые. И тут снова возникает вопрос: что представляют собой эти данные – итог научного исследования или же результат политического заказа?

Кто реально заинтересован в борьбе с потеплением климата?

Если США, Китай и Россия отказались от продления действия Киотского протокола и продолжают развивать, прежде всего (если не исключительно), добычу и переработку нефтегазовых и других дефицитных ресурсов, то вряд ли они будут сильно заинтересованы проблемой потепления климата. Что они и продемонстрировали своим формальным участием во всех трех международных конференциях по климату, послав туда второстепенные фигуры, не уполномоченные принимать решения. В 2002–2012 гг. в России был принят ряд документов, касающихся охраны окружающей среды, в том числе и «Экологическая доктрина». Но эти документы не имели характера закона или плана конкретных действий и сроков их исполнения [Распоряжение Правительства РФ № 1225-р... 2002; Распоряжение Правительства РФ № 730-р... 2011; Основы государственной политики... 2012; Распоряжение Правительства РФ № 2552-р... 2012; Распоряжение Правительства РФ № 2593-р... 2012]. Из приведенного перечня документов видны две вещи. Во-первых, власть не торопится с принятием проэкологических решений. Во-вторых, главные решения (если они получают статус закона) отнесены далеко на будущее. Если учесть уже наступивший очередной экономический кризис, период, необходимый для его купирования и восстановления экономического роста, а также сопротивление бизнеса и бюрократической машины, то реальные действия в данной сфере начнутся не ранее, чем через полвека. Если, конечно, не произойдет резкий климатический слом по причинам, которые наука сегодня предсказать не может²⁶.

Бизнес занял еще более определенную позицию. Он не только вложил основной капитал в добычу, переработку и транспортировку нефтепродуктов, но в отличие от бизнес-структур стран Европейского союза относится весьма индифферентно к развитию альтернативных источников энергии. Государство сегодня фактически является монополистом в данной отрасли.

Глобальные климатические изменения и вообще проблемы ухудшения состояния окружающей среды не являются приоритетными ни для российских политиков, ни для представителей основной массы представителей науки. Ресурсная ориентация правящей партии «Единая Россия» и ее промышленной политики создает угрозу постепенного превращения России в «общество всеобщего риска». В международных альянсах, в которых участвует страна, например в Шанхайской организации сотрудничества, экологические приоритеты также отсутствуют.

Реальную борьбу с грядущей глобальной опасностью ведут только российские и международные гражданские организации и движения, но их усилий для решения проблемы такого масштаба явно недостаточно. Тем не менее тенденция к их глобальной интеграции отчетливо

---

²⁶ И это притом что критическое состояние окружающей среды, особенно в промышленных центрах СССР, было одной из главных причин его распада.

прослеживается. И как раз в отношении бизнеса усилия некоторых международных НКО дают практические результаты.

Нужна ли социология при изменении глобального климата?

Недоверчивые специалисты в области естественных и технических наук говорят, что нет. Тем более, «нет» говорят представители точных наук. Можно, конечно, опросить все население планеты по этому поводу, но что такой опрос общественного мнения даст социологии? Поскольку природные, социальные и политические характеристики стран различны, то в лучшем случае это будет «средняя температура по больнице». Причем, по разным подсчетам, 15–20% респондентов скажут, что они «затрудняются ответить», потому что сама проблема им не понятна. И будут совершенно правы.

Между тем уже сегодня совершенно очевидно, что даже локальные погодные аномалии (не климат в целом!), такие как наводнения, ураганы, лесные пожары, техногенные катастрофы (особенно такие, как Чернобыль или Фукусима-1), не только сотрясают все общество, но и изменяют его социально-функциональную структуру и сложившийся ранее социальный порядок. Локальные катастрофы Чернобыль и Фукусима дали глобальный социальный эффект. За последние 20 лет локальные войны и этнические конфликты уничтожили примерно одинаковое количество людей и создали столь же сопоставимые по численности потоки вынужденных мигрантов и переселенцев. Если экстраполировать число беженцев, возникшее вследствие войн и этнических конфликтов в Северной Африке в 2010–2014 гг., на весь мир, то мы получим цифру, сопоставимую с беженцами и вынужденными переселенцами после окончания Второй мировой войны. Процесс был болезненный, но постепенный, однако в конечном счете все как-то утряслось, устоялось. Более того, и после Второй мировой войны произошло множество локальных, в том числе ресурсных, войн, революций и военных переворотов, которые перемежались экологическими и техногенными катастрофами.

Значит ли это, что социология в случае глобального изменения климата окажется ненужной? *Нет, ни в коем случае!* Вернемся к характеристике основных параметров самого процесса. Во-первых, что значит глобальный? Это означает, что изменения температурно-влажностного режима будут происходить на всей планете, скорее всего, практически одновременно. Однако, во-вторых, вследствие суточного и годового циклов вращения Земли эти изменения будут происходить в ее разных частях с разной скоростью, например на полюсах и в экваториальном поясе. В-третьих, вследствие различия сред (океан, суша, вечная мерзлота, зона пустынь и т.д.) эффект изменения температурно-влажностного режима также будет неодинаковым. В-четвертых, поскольку вода и суша на планете распределены неодинаково и использование углеводородного топлива также в разных частях планеты различно, то повышение температуры в разных частях света и даже отдельных средах и регионах также может происходить с разной скоростью. Наконец, в-пятых, можно предположить, что повышение температуры будет происходить довольно медленно, и человек и все живое вещество планеты «успеют» к нему адаптироваться. В этом случае социология сможет «сопровождать» этот процесс, т.е. отслеживать изменения в разных частях и средах социума под воздействием медленно изменяющегося температурного режима. А возможно, и давать некоторые прогнозы и рекомендации. Так или иначе, без прогностики, без построения и обсуждения различных сценариев развития событий здесь не обойтись. Вообще, «адаптация» – любимый термин социологов, потому что он соответствует эволюционной парадигме, имплицитно присущей этой науке. Социология не любит изучать войны, революции, акты насилия и иные резкие социальные изменения, потому что она как наука исторически сформировалась как теория постепенных социальных изменений. Хотя существует литература, доказывающая, что некоторые общества не эволюционируют, а деградируют и разваливаются, социологи не любят их изучать эмпирически, называя этот про-

цесс девиантным поведением или оставляя это дело историкам и археологам, особенно когда с момента краха общества прошло уже несколько столетий. Очень мало найдется социологов, которые подобно военным журналистам ведут себя как инсайдеры событий. Опасная профессия!

Но есть огромное поле действий для социологов, где они подобно врачам должны действовать по принципу «Не навреди!». Это поле тоже достаточно опасно, поскольку, поступая в соответствии с данным принципом, социологи превращаются или в политиков, участников протестных движений, или же в оппонентов власти. Власть (властвующая элита, группы интереса, финансовые структуры, безразлично) не любит, когда ей указывают, чего не следует делать, особенно когда это касается ее главного принципа: обогащения за счет других. Так что мы приходим к интересному выводу: чтобы защитить природу Земли и людей, на ней живущих, *социолог должен стать политиком, политическим активистом*. Более того, такой политический активист должен стать «гражданином мира», поскольку биосфера едина и неделима. Как эту его роль соотносить с его ролью патриота своей страны – вот ключевой вопрос!

Вообще говоря, человечество уже давно нашло ответ: *человек должен следовать принципу творения общего блага*. И конкретно этот принцип уже давно воплощается в жизнь. Когда человек в беде, ранен, раздавлен горем, к нему надо относиться именно как к человеку без роду и племени, к существу, которому нужна срочная помощь. Так действуют наша «скорая помощь», бригады МЧС, «Врачи без границ», «Босоногие врачи» (в Латинской Америке) и множество благотворительных фондов и организаций. Этому же принципу следуют движение альтерглобализма, экологическое и женское движения, тысячи групп волонтеров и добровольцев-спасателей по всему миру.

Для их объединения и солидарных действий социальные технологи создали необходимые инструменты: социальные сети, форумы, сайты, виртуальные объединения профессионалов и множество других форм дистанционного объединения и взаимной поддержки. Поскольку резкое потепление климата планеты неизбежно вызовет хаос и борьбу за место в «спасательной лодке», нужны специально обученные, оснащенные всем необходимым и хорошо вооруженные группы спасателей по образу и подобию МЧС. Как известно, «добро должно быть с кулаками».

Возникает законный вопрос: а каковы же будут функции армии и других силовых структур? В такой критической ситуации, как потепление климата, когда одновременно потребуются согласованные действия вооруженных формирований на разных континентах, я не вижу другого выхода, как организацию их по тому же принципу, что и добровольцы благотворительных организаций. Ставки в такой ситуации очень высоки: или взаимопомощь, спасение всех без разбора, т.е. творение общего блага, или взаимное уничтожение, война всех против всех. Наблюдая за общими военными маневрами противоборствующих стран, явно можно заметить сдвиг к объединению в борьбе против общего врага. Сейчас таковым является терроризм, а завтра, может быть, это будет борьба с последствиями климатического коллапса. Какой бы жесткой ни была политическая риторика между лидерами ведущих стран, на деле они все более сближаются при разрешении критических ситуаций. И даже такая, казалось бы, весьма далекая от обсуждаемой проблемы, как унификация вооружения и амуниции рядового солдата, говорит о том же: защищать природу и людей нужно совместными усилиями одинаково обученных и подготовленных людей, будь они солдатами регулярной армии или же волонтерами и добровольными спасателями.

Защита своей малой родины не противоречит действиям в защиту жизни на планете. То есть «местный патриотизм» – не антитеза патриотизму глобальному. Только теперь это уже борьба за сохранение не «мира во всем мире», а самой биосферы планеты Земля. В этом состоит реализация теоретического принципа глокальности. Я бы даже сказал, что само понятие патриотизма приобретает вселенский смысл. Ведь ученые США и России уже не раз размышляли о том, как спасти Землю от столкновения с крупным астероидом или обломком

другой планеты. *Наступает эпоха вселенской спасательной практики*. Административные границы государств могут быть сметены волной поднявшегося океана. Но патриотизм локальный или «державный» все больше должен сочетаться с патриотизмом глобальным, суть которого – спасение жизни в нашем общем доме, на планете Земля. В какой-то степени возникает задача огромного «Ноева ковчега». А если человечество к тому времени найдет способ повернуть вспять ход эволюции на нашей планете, тогда, возможно, будут восстановлены и административные границы стран, и ментальный образ «малой родины». Так или иначе, этот образ остается в сердце каждого из нас, какими бы космополитами в практике повседневной жизни мы ни были. Так что поиск разумных форм компромисса между патриотизмом вселенским, глобальным и патриотизмом «державным» – одна из важнейших, но пока не решенных задач социологии и политики.

Несмотря на все сказанное выше, экосоциология как самостоятельная дисциплина до сих пор не институционализована. Это означает, что университеты не имеют факультетов для подготовки профессиональных экосоциологов. В официальном перечне гуманитарных дисциплин, утвержденном Министерством высшего образования РФ, нет такой дисциплины, как «экосоциология». Нет специального журнала по экосоциологии, секции или комитета во Всероссийском обществе социологов и т.д.

Другие общественные науки о проблеме

Проблема изменения климата не является приоритетной для экономических наук. Просмотрев 139 проспектов книг и 158 научных докладов в различных областях экономики за 2007–2009 гг., изданных или готовящихся к изданию Институтом экономики РАН, я обнаружил лишь два доклада известного экономиста, профессора Бориса Порфирьева, непосредственно относящихся к теме статьи [Издания Института экономики... 2009; Порфирьев, 2008, 2010]. Экономист Владислав Иноземцев полагает, что «непрактичность» Киотского протокола состоит в его практической нецелесообразности, особенно для таких экономически развитых стран, как США [Иноземцев, 2002]. Он утверждает, что данный документ не имеет перспектив для практического применения в качестве международного соглашения вообще. Экономист и демограф А. Бялко подчеркивает, что еще до начала глобального потепления начавшаяся массовая миграция на Север из зон, где ощущается острая нехватка воды, уже началась. В качестве примера он приводит миграцию китайцев из зон опустынивания [Бялко, 2002]. По моему мнению, В. Иноземцев и Б. Порфирьев являются ведущими российскими экономистами, которые способны охватить эту глобальную междисциплинарную проблему в ее целостности, потому что они фактически базируются в своих умозаключениях на концепции «общества всеобщего риска», хотя и не называют ее авторов. Наконец, в самое последнее время проблемой глобального потепления заинтересовались представители российской политической науки.

Тем более удивительно, что в российском междисциплинарном журнале «Общественные науки и современность», издающемся Президиумом РАН, нашлись только две работы, так или иначе относящиеся к нашей теме. Больше всего вовлечены в эту тематику географы, но, естественно, на локальном или региональном уровнях. Географы, как оказалось, вообще наиболее восприимчивы к междисциплинарным контактам. Что же касается других гуманитариев, и в частности, из мира искусствоведения, то этой темы для них просто не существует. Более глубоко, но не специально, проблемой воздействия климата на общество, его хозяйство и тип социального поведения занимаются, конечно, историки.

Ступени приближения к решению задачи

Первая ступень – это изучение всей той информации, которая была получена естественными науками о состоянии климата планеты и его динамике за последние 100–150 лет. Это не такая простая задача, поскольку и среди естественников есть разные точки зрения на эту проблему. Из этих исследований ясно одно: климат планеты периодически меняется, и это влияет на все стороны общества, в том числе на психику людей [Чижевский, 1973]. Второй вывод, который мы, историки и социологи, можем сделать, это изменение форм хозяйственной деятельности в зависимости от периодов потепления или похолодания. Третий – это косвенная зависимость состояния климата в отдельных регионах от типа сельскохозяйственного и промышленного производства и используемого топлива. Четвертый – это зависимость местных особенностей климата от тех усилий, которые предпринимаются обществом для сокращения выброса CO₂ в атмосферу. Наконец, пятый – это возможная зависимость климатических условий при переходе от одного господствующего типа производства к другому (например, от собирательства к земледелию и затем к промышленному производству). Общая историческая тенденция – это накопление побочных отрицательных эффектов (в терминах моей концепции – рисков), которое в конечном счете формирует «общество всеобщего риска».

Как смоделировать ситуацию и прогноз?

Итак, как было сказано, глобальное изменение климата не является приоритетной темой для российских политиков, социологов-глобалистов и особенно для СМИ. Средств и специалистов для этого практически нет. Как в этом случае смоделировать текущую ситуацию и прогноз ее динамики? Мы воспользуемся теорией подобия, разработанной советскими учеными-теплофизиками еще в начале 1950-х годов [Кирпичев, 1953].

Простой пример. Если вы сломали ногу или ошпарили ее кипятком, важно ли для вас, что в этот же момент случилось нечто подобное с другим человеком, находящимся за тысячу километров от вас? Очевидно, что нет. Несколько упрощая, теория подобия говорит, что результаты, полученные при испытании малой модели интересующего вас объекта, с некоторыми оговорками могут быть использованы для создания модели объекта или процесса в натуральную величину. То, что случилось в Крымске или в Приамурье, т.е. экологическая катастрофа в масштабе города или региона, может быть (опять же с некоторыми ограничениями) использована как модель глобальной катастрофы. То есть может быть проведена некоторая операция по генерализации результатов, полученных в локальных условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.